

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Оформление серии *Юлии Девятовой*

Х19 **Ханов, Булат Альфредович.**

Развлечения для птиц с подрезанными крыльями /
Булат Ханов. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-113779-3

Что может объединять абсолютно противоположных людей, случайно встретившихся в большом городе? Каждый из них считает, что он свободен, но оказывается опутан сетями общества: Ира несвободна от давления условностей и предрассудков; Елисей из-за болезни не может заниматься тем, что ему нравится; Марк, свободный от забот о хлебе насущном, безуспешно убегает от прошлого; Сергей, которому кажется, что жизнь удалась и у него есть все, оказывается связан обязательствами и подчинен семейному диктату. Удастся ли им избавиться от зависимостей и обрести свободу воли? Все прояснится на фестивале пива.

Это книга о бунтарях, которые слишком самоироничны, чтобы называть себя бунтарями. Они слушают не песни протеста, а голоса птиц в наушниках, пьют не портвейн, а крафтовое пиво, ищут не просветление, а тех, кому можно довериться. Они не проходят мимо несправедливости и обладают чувством достоинства. Что они противопоставят миру?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ханов Б., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN ISBN 978-5-04-113779-3

«Глубже и радикальнее возвышенного — отказ-от-возвышения (dé-sublimation), так как событие не является — и не должно являться — той всепроницающей полнотой бури или звезд, в которой дает себя обозреть бесконечное. Событие — это, скорее, неприемлемая пустотная точка, где ничего не представляется, но откуда посредством абсурда проистекает то, что в серии связанных вмешательств осуществляется Бесконечное».

Ален Бабью.

Можно ли мыслить политику?

ИРА

Никто не любит прощаться, но некоторые хотя бы умеют это делать.

Ира вот не умела.

Накануне отъезда она напоследок навестила бабушку и дедушку. В меру консервативные, в меру ворчливые, они напоминали милых старичков из русских комедийных сериалов — вроде тех, что крутят на экране в междугородних автобусах.

Пока бабушка стряпала, Ира сидела рядом с дедом в спальне и притворялась, что тоже увлечена политическим ток-шоу. Приглаженный ведущий из числа тех, чьи лица примелькались на экране до такой степени, что стали гарантией пустословия, твердил о воле и решимости. Носовой платок безупречно выступал из нагрудного кармана ведущего, и Ира поневоле задумалась, обладает ли болтун еще какими-либо чертами из джентльменского набора, помимо умения красиво одеваться. Может, он отключает мобильный на свиданиях. Или не просит в долг.

В конце передачи, когда камера взяла ведущего крупным планом, дедушка приподнялся на постели и произнес:

— Сейчас анекдот будет!

И правда, ведущий плутовато улыбнулся и сказал:

— Семья рыбачит. Сын спрашивает у отца: «Почему твой поплавок стоит, а у дедушки лежит?» Раздается голос бабушки за спиной: «Знаешь, Сёма, когда дедушкин поплавок стоял, что он только ни ловил!»

Ира поморщилась, а дед пояснил:

— Каждый раз анекдот рассказывает. Люблю этот момент.

К столу дедушка не вышел, и Ира обедала с бабушкой. Та сварила суп с щавелем и зеленым луком и пожарила картошку с грибами. Ире вновь досталось за убеждения.

— Отощажешь ведь там. Приготовят на всех уху или макароны с фаршем, а ты что будешь делать?

— Бабуля, мы уже договорились, кого с кем поселят. Моя соседка тоже вегетарианка.

— И подавно оголодаешь. Я уж и не представляю, что вы там сытного вдвоем намудрите.

— Чечевичную похлебку сварим.

— И долго вы протянете на чечевичной похлебке?

— Не скажи, бабуля, это великое блюдо. Неслучайно Исав первородство за нее продал, а не за баранью ногу, например. Хоть и был охотником, а все равно соблазнился вегетарианскими вкусностями.

Не оценившая шутку бабушка покачала головой. Будучи религиозной, она тем не менее не навязывала внучке свою картину мира и не давала вовлечь себя в споры о Боге, тем более что все равно не могла противопоставить Ириным доводам ничего, кроме твердой веры в Священное Писание и в слова своего духовника.

Бабушка расспросила Иру о грядущей жизни в новом городе: о соседке, об общежитии, о магистерской программе, о президентской стипендии. Обе переживали,

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ПТИЦ С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

но по своим причинам: бабуля беспокоилась за бытовую сторону дела, а Ира — за то, не наскучит ли ей вызов. Она понимала, что говорит с бабулей на разных языках, и давно бросила затею свести эти непохожие языки к единому целому или хотя бы сблизить их.

Наверное, быть взрослой — это в том числе отказаться от стремлений наладить вещи, которые наладить нельзя.

По дороге домой Ира лелеяла робкую надежду, что с мамой удастся попрощаться правильно, раз уж с бабушкой и дедушкой не получилось.

Очередной облом. Мама смотрела телевизор и пила кофе с магазинными ватрушками. Она даже не встретила дочь в прихожей. Если подумать, мама никогда не питала страсти к этикетным нежностям, но в последний-то день можно хоть чуточку поумерить угрюмость, а?

— Привет, — поздоровалась Ира.

— Привет.

Мама не отвела взгляда от экрана.

Не успевшая переодеться, Ира опять прыгнула в монки, перекинула через плечо синий рюкзак и покинула дом. Уже за дверью она размазала по щекам слезы и зашмыгала носом.

Интересно, протянул бы тот лощенный ведущий свой платок незнакомой девушке, если у нее слезы текли вместе с тушью? Положим, что да. Еще и помощь бы предложил. Верный способ запомниться участливым и благородным ценой пустякового вложения.

В гипермаркете через дорогу Ира купила овсяный йогурт и два злаковых батончика. Ужин состоялся там же, на скамейке за линией касс. На жующую девушку косились покупатели, разгрузившие свои тележки, а

Ира, вытирая красные глаза, отвечала им сконфуженной улыбкой. Знакомьтесь, мол, я кролик, бегущий прочь от норы. Хорошая девочка Ира.

Мама не звонила.

Когда умер папа, она замкнулась в себе. Не рыдала у дочери на плече, не бичевала себя, не ударялась в сектантство или коллекционирование — всего лишь запряталась в скорлупу. Ира изо всех сил пыталась понять маму и не могла.

Ира вспомнила, как папа покупал ей игрушечные наборы с советскими военными. Куклы, конечно, тоже покупал, но солдатики были интереснее. Иру привлекали советская символика и папины рассказы о несокрушимой Красной армии, которая остановила фашизм. В ее рядах героически сражались женщины, а подвигами Лилии Литвяк и Людмилы Павличенко восхищался весь Союз.

Сделав круг по кварталу, Ира вернулась к своей пятиэтажке. В гостиной горел свет, поэтому Ира покаталась на качелях, прорезая тишину двора их монотонным скрипом. Несмотря на то что в сиденье не хватало доски, сейчас это не тяготило. Все лучше, чем мельтешить перед человеком, который тебя разве что не презирает. Улыбаться, угождать или, напротив, стараться быть незаметной. Какая разница, натягиваешь ты улыбку или нет, если в чужих глазах ты обладаешь нулевой степенью пригодности.

Когда свет в гостиной погас и зажегся в спальне, Ира поднялась в квартиру. Светя телефонным фонариком, она в темноте сгребла вещи с раздвижного дивана и переложила в кресло, чтобы упаковать завтра перед отъездом.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ПТИЦ С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Да уж, попрощались как надо.

Будильник, установленный на пять утра, выдернул Иру из постели. Она раскидала по чемоданам пожитки, утрамбовывая их чуть ли не ногой, чтобы уместились, и уже на лестничной площадке вызвала такси до автовокзала.

Прождав полтора часа до первого рейса в Элнет Энер, Ира погрузила чемоданы в багажный отсек разваливавшейся «Газели». Усатый водитель в протертых джинсах и пропахшем табаком свитере желтыми пальцами отсчитал сдачу:

— Держите, девушка!

Зажав купюры в кулак, Ира юркнула в хвост маршрутки.

Обязательно ведь нужно подчеркивать, у кого какой гендер, никак без этого.

Молодой сосед, верзила в баскетбольной форме и надетой задом наперед кепке, начал знакомство издали.

— Прикинь, в первый раз на футболе побывал, — поделился он. — На настоящем матче. Все не как по телевизору. С трибуны кажется, что обычные люди бегают. Как мы, короче.

Не обращая внимания, Ира распутала наушники.

— В гости к нам едешь?

— По работе.

Верзила на секунду остановил взгляд на лице Иры, на области рта. Должно быть, соображал, что с ней не так.

Это диастема, дружок. Щербинка между передними зубами, хоть и не портила облика Иры, оставляла двойное впечатление. Кто-то находил это милым, кто-то смущался и, вопреки воле, отводил взгляд во время разговора. Сама Ира называла свою внешность кроличьей и не терялась при бестактных вопросах.

Она воткнула наушники, и сосед сделал второй заход:

— Что слушаешь?

— Софию Ротару.

Ира нажала на «Play», увеличила громкость и прикрыла глаза.

Немолодой рассудительный женский голос, предвзято птичьей трелью, объявил:

— Большая выпь.

ЕЛИСЕЙ

Перед тем как выбежать из вагона на Василеостровской, Елисей вручил Лене конверт и велел вскрыть завтра.

Едва двери захлопнулись и метро унесло ее в тоннель, Елисей выключил телефон. Само собой, она прочтет письмо в поездке, и содержание ее как минимум покоробит. А кого бы развеселило?

Режиссер сбежал со скандальной премьеры своей постановки! Сенсация!

Забываясь о торжестве формы, Елисей купил у букиниста антикварную открытку с разводными мостами и запечатал конверт сургучом. Как натура тонкая, она должна оценить.

Теперь и ты узнала, что эта встреча была последней.

Собственно, на то у меня две причины:

- 1) меня утомило, что у тебя каждый день Помпея;*
- 2) мы не созданы друг для друга.*

Передавай привет Леониду Якубовичу и Раулю Амундсену.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ПТИЦ С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Почему Якубович и Амундсен? Пусть поломает голову над логической связью там, где ее нет.

У Елисея чесались руки добавить, что он прекращает общение по состоянию здоровья, но и так получилось забористо и неучтиво.

Два дня назад Лена позвонила утром и в шестьсот тридцать восьмой раз заныла о том, как ей трудно подняться с постели и заставить себя пойти в магазин. Собирая справки для лора и одеваясь, Елисей попутно выслушивал надрывный нарратив об агорафобии и искал способ быстрее завершить разговор.

— У меня все тело болит!

— Температуру измеряла?

— Она нормальная!

— Завари зеленый чай и включи музыку.

— Какой еще чай?

— Который я приносил, помнишь?

— Я не хочу, ты понимаешь?

— Лена, прости, я правда не знаю, что тебе сейчас нужно.

— Скажи что-нибудь хорошее. Что ты меня любишь.

— Я тебе и так каждый день это говорю.

Просовывая голову в воротник, Елисей уронил телефон.

— С тобой все в порядке? Дорогой, скажи мне что-нибудь хорошее.

— Я бы все-таки посоветовал заварить чай и включить какой-нибудь альбом из твоих любимых. А вечером поехать на лекцию по фотографии, анонс которой я скидывал. Твоя же тема.

— Я не могу!

— Можешь.

— Нет!

— Лена, ты требуешь чего-то жалостливого и проникновенного. Если отвечу на это требование, то получится, что я потакаю твоей беспомощности. Это неправильно. Поэтому я снова порекомендую заварить чай, послушать музыку и прогуляться на лекцию. Попробуй, это тебя не убьет. И да, я зануда.

— Значит, ты меня не поддержал. Ясно. Я учту.

Елисей нажал на сброс и швырнул в стену ложку для обуви.

Мало того что Лена пыталась развести его на вдохновляющий спич, так еще и не справилась, как у него дела. Ему грозят операцией на горле, а она лезет с комнатными слезами. Такое чувство, что, будь фобии заразными, Лена бы инфицировала каждого в Петербурге.

Пока Елисей ждал своей очереди у врачебного кабинета, пришло голосовое от Лены. Она излила на него гнев, уведомила, что с любовью покончено, и занесла в черный список.

Днем последовали бурные извинения Лены и предложение начать все заново.

— Давай перезагрузим наши отношения, — сказала она.

— Я за.

Тогда и созрел план с открыткой и всем остальным.

Сама подставилась. Порывая — порывай.

Сложно определить, когда именно Елисей бросил учиться — до болезни или во время нее. Скорее всего, ни то ни другое. Занятия приелись на первой же неделе, а магистратура до жути напоминала армию однообразием и непостижимостью конечной цели, ради которой вращались скрипучие шестеренки бюрократического

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ПТИЦ С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

механизма. И армия, и университет функционировали исключительно в поломанном состоянии, с анекдотичными перегибами и перехлестами. Бесспорно, в армии тяжело с девушками и с перемещениями в пространстве, но общий принцип ее организации похож на университетский — институция, существующая по собственным законам, далеким от разумных. Иначе говоря, тщательно регламентированный беспорядок.

Короче, нет смысла писать магистерскую с военником на руках. Если только по любви. Но любовью к георбанистике в ее академическом формате Елисей так и не воспылал.

Поначалу он по инерции готовился к зачетам, брал книги в библиотеке, встречался с научруком. А на излете беспринципной петербургской зимы Елисея сбила с ног простуда, цепкая и затяжная. Он менял лоров и терапевтов, горстями закидывал в глотку антисептики и противокашлевые, пил антибиотики курс за курсом. Медицинские термины мешались в голове, как слова из иностранного языка.

Заболев, Елисей рассчитывал вылечить фарингит до весны. Затем до апреля. Затем до мая. Незаметно «дедлайн» сдвинулся к лету. В конце концов, Елисей, признав бессилие, прекратил выставлять сроки организму, который его предал.

Елисею овладела не поддающаяся оправданию умеренность: он избегал острой пищи, сторонился ветреных набережных и носил шарф до июня. Вдобавок к нему прилипла привычка откладывать важные решения. Елисей позволял Лене держаться за него и спустя полгода после того, как ее скучные истории и бесконечные вздохи перестали занимать его внимание. Кроме того,